

МХАТ В ГОСТЯХ У ЧЕХОВА

Две недели Ялта живет свиданием с Чеховым. Юбилейные чтения, посвященные 125-летию со дня рождения писателя, и фестиваль искусств, организованный в эти дни, собрали в Крым виднейших исследователей творчества А. П. Чехова, артистов, художников, музейных работников. К памятнику Чехову, к Дому-музею, в театр идут тысячи поклонников его таланта. Возле портретов, бюстов, памятника — всюду живые цветы, несмотря на необычные для юга морозы. Свежими розами проводил город артистов Киевского академического театра им. И. Франко. Свежими розами встретил он артистов МХАТ им. М. Горького.

Особый смысл есть в том, что чеховский праздник заканчивается на самой высокой ноте — встречей с посланцами театра, в историю которого навсегда вписано имя писателя. Присутствие мхатовцев в Ялте словно подтверждает нерасторжимые уз, связывающих их, свидетельствует об утверждении новой традиции — творческих отчетах перед Чеховым в памятных, дорогих для него местах. Московские артисты прибыли в Крым из Таганрога, где также принимали участие в юбилейных торжествах. Они привезли крымчанам привет от земляков Антона Павловича и цветы, которые таганрожцы просили положить на дороге для писателя могилы — его матери Евгении Яковлевны и сестры Марии Павловны.

Встреча посланцев МХАТ с местами, которые он любил, с домом и садом, которые украсил трудом своим, репетиции и вечера в театре, где Чехов встречался со «стариками» — первым поколением мхатовцев — все это создает неповторимое ощущение давно ушедшей эпохи, ощущение

почти осязаемой связи отстоявших чуть ли не на целое столетие событий. Все это позволяет и нам заглянуть в приблизившееся прошлое...

Когда готовилось к открытию в начале нынешнего века новое здание Московского Художественного театра в Камергерском переулке, в Москве, К. С. Станиславский обратился к скульптору А. С. Голубкиной с просьбой сделать такой скульптурный образ, который в целом отразил бы искусство Художественного театра. Спустя некоторое время она пригласила его взглянуть на эскиз барельефа. Константин Сергеевич увидел перед собой закипающую морскую волну и парящую над ней чайку, почти касающуюся крылом воды. Это было «в точку», то, о чем он мечтал...

Как известно, чеховскую «Чайку» Художественный театр сыграл в свой первый сезон в 1898 году. Критик того времени сообщает, что когда 17 декабря на премьере «Чайки» после спектакля упал занавес, присутствующим стало ясно, что Чехов — гениальный драматург, Станиславский — гениальный режиссер, а театр «создал самого себя».

Успех «Чайки» заставил театр обратиться и к другой пьесе Чехова «Дядя Ваня». Она была сыграна во второй сезон. Но сам автор еще не видел своих пьес. Нужно было уговорить его на новую работу, без чеховского имени в афише театр уже не мыслит новый сезон. И потому театр всей труппой, вместе с обслуживающим персоналом отправился в Ялту, к Чехову.

Сегодня театральным историкам известен каждый час пребывания московских артистов в Ялте в апреле 1900 года. Хорошо помнит об этом и сам город, отзываясь то мемориальной доской на здании гостиницы, то специаль-

ным экскурсионным маршрутом, то фотографиями и рассказом в Доме-музее. Больше всего эти дни памятны самой Белой даче, где двум хозяйкам, матери и сестре писателя, помогала принимать своих товарищей по искусству друг Антона Павловича и спутница его последних лет Ольга Леонардовна Книппер. С утра до вечера артисты бродили по дому и саду, шутили, смеялись, спорили, читали, рассказывали, собирались группами вокруг Горького, Куприна, Бунина, Мамина-Сибиряка, приехавших навестить Антона Павловича.

Днем в беседах на набережной фотографировались, пили легкое вино, гуляли у моря. Вечером в театре шла «Чайка». Присутствие автора вдохновляло актеров, становилось неким камертоном глубокой серьезности, тонкого вкуса, простоты и жизненности. Спектакль, что называется, «шел». Успех следовал за успехом.

Очевидно, есть какая-то закономерность в том, что особая атмосфера города, сохранившего память о писателе, «подлинность» театра, где он сам бывал, оказывают влияние на игру актеров. Так случилось и в 1981 году, когда МХАТ привез в Ялту «Иванова». Старая постановка словно помолодела, новая публика вдохнула в нее новую жизнь.

И вот Художественный театр в третий раз, в Ялте. Артисты показывают сцены из спектаклей «Чайка», «Иванов», читают рассказы Чехова. На сцену выходят исполнители, которых не надо долго представлять, достаточно просто назвать имена: Ангелина Степанова, Иннокентий Слюктуновский, Александр Калаягин, Татьяна Лаврова, Вячеслав Невинный, Владлен Давыдов, Екатерина Васильева, Елена Проклова... Каждый из них горячо любим зрителями,

со своим неповторимым лицом, манерой, интонацией. Но слушаешь их и неожиданно ловишь себя на том, что ты забываешь об их присутствии, все они дают тебе возможность взглянуть в тонкое, одухотворенное и усталое лицо Художника. И еще становится очевидно, что актеры, играющие Чехова, не могут не считать казаться интеллигентней, они должны быть ею в жизни по уровню своего духовного развития.

Как живут и крепнут традиции Художественного театра? Как новые актерские поколения впитывают его дух, наследуя высокое понимание красоты и культуры, завещанное основателями. — Об этом мы беседуем с народной артисткой СССР, Героем Социалистического Труда Ангелиной Иосифовной Степановой.

— Моя жизнь в Московском Художественном театре началась шестьдесят лет назад и, удивительное совпадение, стою спектакля, которым он открылся впервые, — с «Царя Федора Иоанновича». Мне поручили роль княжны Мстиславской. Особенно выделялся образ царицы Ирины в исполнении О. Л. Книппер-Чеховой. Это была наша первая встреча на сцене. Затем она последует одна за другой, я буду нежно любима Ольгой Леонардовной, и она станет называть меня своей дочкой.

Первая встреча с драматургией Чехова — пьеса «Вишневый сад». Заболела актриса, игравшая Аию, и Станиславский предложил мне подготовиться роль. Моей матерью по сцене, Раевской, была Книппер-Чехова, дядей — сам Константин Сергеевич... Как передать то чувство, когда выходишь на сцену вместе с актерами, которые кажутся тебе недосыгаемыми? Станиславский говорил со мной роль не только в театре, но и дома. Вер-

нее сказать, он готовил меня к роли, к пониманию драматизма и поэзии Чехова. Его волновала культура и высота общественного положения актеров. С этого начинался Художественный театр. Мы были его «вторым поколением», жалко впитывавшим все, что говорилось «стариками».

Навсегда в моей памяти атмосфера дома Ольги Леонардовны. Не просто дружественная, гостеприимная, но глубоко духовная. Всегда стихи, музыка, чтение... Рихтер, Козловский, Качалов... Летом кто-нибудь из друзей непременно жил в ее гурзуфском домике. Такая же обстановка царил и у Марии Павловны, которую все мы любили. Думаю, это прежде всего шло от хозяйки Белой дачи, собиравшего вокруг себя цвет интеллигенции.

С О. Л. Книппер-Чеховой играла я и в «Трех сестрах» — последней талантливой постановке В. И. Немировича-Данченко. Когда спектакль был возобновлен, в нем выходили на сцену А. Тарасова, К. Еланская. Он записан на радио и время от времени повторяется. Недавно ко мне пошел режиссер А. Эфрос: «Слушал «Три сестры» и плакал. Как же это сделано?..» Волнует только то, что настоящее. Сейчас режиссер О. Н. Ефремов ставит «Дядю Ваню». Это еще один наш подарок чеховскому году.

Когда-то в ялтинском театре А. П. Чехову преподнесли пальмовую ветвь с красной лентой и надписью: «Глубокому истолкователю русской действительности». Нынче, по общему признанию, МХАТ стал лучшим истолкователем самого Чехова. Вот почему каждая встреча с ним — большая праздник, событие непреодолимого значения.

Г. МИХАЙЛЕНКО.